

МЕТОДОЛОГИЯ

Д.А. ШЕСТАКОВ

**От понятия преступности
к криминологии закона**

В развитии российской криминологии, начиная с 60-х годов минувшего века, можно выделить следующие этапы. *Детерминистический* этап знаменует формирование диалектической школы (В. Кудрявцев, П. Дагель и др.). *Плюралистический* этап связан с появлением несовпадающих подходов к определению и объяснению преступности (Н. Кузнецова, Л. Спиридонов, Д. Шестаков и др.); формированием новых научных отраслей и школ (психологическая школа – Ю. Антонян; школа преступных подсистем – Д. Шестаков, С. Дикаев, П. Кабанов, Г. Касторский и др.; соприкасающаяся с криминологией девиантологическая школа – Я. Гилинский и др.). *Либеральный* этап отмечен критикой института уголовного наказания, постановкой вопроса о преступности государственной власти (Гилинский, В. Лунеев, Кабанов, Кудрявцев, Шестаков), а *постлиберальный* – усилением внимания к олигархической – внешней государственной и надгосударственной – преступности (Дикаев, Лунеев, Шестаков).

Очевидно, надо различать научные идеи, концепции, направления, школы, научную дисциплину в целом. Не следует отождествлять научную школу и науку как таковую. При таком подходе неправильно говорить о научной, в нашем случае криминологической, школе страны или какого-либо ее региона, города. Например, Санкт-Петербургская криминология играет значительную роль в российской науке о преступности, но она эклектична, как архитектура города на Неве. Санкт-Петербургский криминологический клуб вмещает в себя разные, порой взаимоисключающие подходы к интерпретации преступления, преступности и противодействия тому и другому.

Школа предполагает наличие ключевой концепции, объединяющей ряд вытекающих из нее научных направлений. Для *школы преступных подсистем* (назовем ее Невско-Волжской школой) такой концепцией является доктрина преступности как свойства социальных институтов (подсистем) воспроизводить преступления. Доктрина была сформулирована мной первоначально в связи с криминологическим осмыслением института семейных отношений [Шестаков, 1980].

Сегодня данную школу представляют Г. Горшенков, С. Дикаев, П. Кабанов, Г. Касторский, С. Милюков (имеющий собственное отличительное видение ряда вопросов противодействия преступности), В. Харламов и др. Школе присущи: криминологическое понятие преступления как такового (независимого от указания в законе); понятие преступности как свойства человека, общества порождать преступления, воплощенного в единстве преступного множества и причинного комплекса; подразделение преступности общества на преступность его институтов (социальных подсистем): семейная, поли-

Ш е с т а к о в Дмитрий Анатольевич – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, президент Санкт-Петербургского криминологического клуба.

тическая, экономическая, информационная, религиозная, гендерная и др.; идея управления преступностью при неизбежном сосуществовании с нею; положения о минимизации уголовной репрессии, о гуманизации как критерии прогресса уголовного права, о криминологии как теоретической основе наук уголовно-правового цикла; вычленение в рамках криминологии новых отраслей – семейной, политической, массово-коммуникативной, теологической, экономической, криминологии закона и других ее отраслей; семантическая методология [Преступность... 2003]. Рупор школы – журнал "Криминология: вчера, сегодня, завтра, труды Санкт-Петербургского криминологического клуба", который издается с 2001 г.

Преступление

Что есть преступление? Должна ли криминология при осмыслении преступности опираться на юридическое понятие преступления? Это большие для науки о преступности вопросы. Юридическая сторона преступности проявляется в том, что закон в каком-то смысле – источник преступлений, в одном случае мнимый (фиктивный), в другом – подлинный.

Модный ныне постмодернизм (конститутивная криминология) немного добавляет к пониманию преступлений. Их источниками, по мнению представителей концепции, служат некие дифференциации, создаваемые наукой, политиками, средствами массовой информации, законом. К ним относятся такие дифференциации, как: экономическая (классовая, имущественная); половая ("сексизм"); расовая и этническая (расизм и национальная рознь); политическая (власть, коррупция); моральная, этическая ("рабство собственных желаний"); в области прав человека; по социальному положению (статус, неравенство), психологическая (ощущения безопасности, благосостояния и т.п.), по степени самореализации, и др. [Henry, Milovanovic, 1996].

Авторы этой концепции далеки от юриспруденции. Да, определения, классификации, если они становятся законами, создают так называемую фикцию порождения преступлений. Но не надо забывать, что развитие понятийного аппарата – сначала на уровне языка, а затем при известных обстоятельствах и на уровне закона – выражает естественное стремление развивающегося общества к упорядочению хаоса. Оно не создает разделений, например, по признаку пола, а отражает объективные явления.

Фикция порождения законом преступлений состоит в том, что от воли законодателя зависит, какие поступки запретить, установив за них наказание, а какие – нет. К примеру, в советское время в России преступной считалась спекуляция, или "скупка и перепродажа в целях наживы" (ст. 154 УК РСФСР 1960 г.); в настоящее время подобные действия не только не запрещены, но, напротив, поощряются и преобладают в мелком предпринимательстве. И наоборот, постсоветский УК РФ 1996 г. ввел ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), чего прежде не было.

Исходя из практических соображений, при описании преступного множества без некоторых понятий и классификаций, содержащихся в уголовном законе, обойтись просто нельзя. Это касается, в частности, подразделения преступлений на категории (преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие – ст. 15 УК РФ) и группировки их по главам УК. Проведенная в законе градация ответственности в зависимости от возраста лиц, совершивших преступления (раздел V УК РФ), от допущенного ими рецидива (ст. 68 УК РФ) как бы предопределяет криминологическую классификацию преступников в зависимости от тяжести ими содеянного, возраста, от того, отбывали ли они ранее наказание, и т.д. Криминологи часто вынуждены пользоваться понятийным аппаратом закона для того, чтобы быть правильно понятыми теми, кто его применяют. В этом смысле характерна поддерживаемая Гилинским точка зрения на преступность как на условную конструкцию, продукт договоренности или субъективных решений (конвенциональность преступности) [Девиантность... 2000, с. 132].

Подлинно законодатель порождает преступное поведение и различные его формы при криминологически необоснованном введении уголовно-правового запрета на те или

иные деяния. Так было в США во времена "сухого закона", когда установление наказания за продажу алкогольных напитков послужило толчком к быстрому росту преступных группировок, и в частности коза ностры. Наркобизнес во всем мире достигает сверхобогатения в значительной степени также вследствие наличия уголовной ответственности за распространение наркотических средств. Или такой факт: предусмотренное в Советском Союзе с 1936 по 1954 г. уголовное наказание женщины за производство ею себе аборта (ст. 140-б УК РСФСР) способствовало, как замечено специалистами, росту числа убийств новорожденных их матерями¹.

Таким образом, следует признать, что юридическая сторона преступности и, в частности, механизма массового воспроизводства преступлений довольно значима. Ее начинают понемногу принимать во внимание при разработке законодательства, что нашло отражение в появлении так называемой криминологической экспертизы законопроектов. Но если под преступлением в криминологии понимать упомянутые в законе деяния, то в случае уже имеющегося пробела или исключения из УК даже самых опасных для общества поступков они выпадают из поля зрения юстиции. В то же время известно, что от прямо не запрещенной опасной деятельности (противоправных репрессий, злоупотреблений при приватизации, произвола банков, отказывающихся возвращать кредиты, и т.д.) население терпит несоизмеримо больше, чем от деяний, законодательно признанных преступными. И наоборот, необоснованный или несправедливый закон иногда навязывает обществу необходимость признания преступлением того, что на самом деле не столь вредно для окружающих или вовсе безобидно. При таком подходе криминология, занятая осмыслением преступности, оказалась бы поставленной в зависимость от усмотрения власти. Не надо забывать: закон – отнюдь не всегда право.

Стало быть, криминология испытывает потребность в том, чтобы, не замыкаясь на уголовно-правовом определении понятия преступления, выработать свое собственное криминологическое его понятие, в большей мере соответствующее его сути. Понятно, что в юриспруденции представление о преступлении ограничено признанием его в законе; в противном случае на место уголовного права заступил бы произвол. В криминологии же, исходящей из того, что законы, принимаемые государством, далеко не всегда адекватны и справедливы, под преступлением следует понимать виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом.

На необходимость "собственного" криминологического определения выходит и Милуков, осознавший, что криминология изучает общественно опасные деяния. По его мнению, в законодательном определении преступления должен сохраняться признак его общественной опасности. Милуков пишет: «Отказ от нормативного закрепления общественной опасности – как органически присущего любому преступлению свойства – ведет к обособлению уголовного права и криминологии, при котором первое окончательно формализуется, а вторая вынуждена "изобретать" собственное определение преступления, не согласующееся с законодательным» [Милуков, 2000, с. 50].

Предложенное мною криминологическое определение преступления вызвало и возражение в связи с опасением "безнадежно запутаться в разграничении одноименных понятий в уголовном праве и криминологии" [Номоконов, 2001, с. 23]. На мой взгляд, не следует робеть перед критикой закона, а напротив, способствовать преодолению законодательной путаницы и тому, чтобы закон соответствовал общественному бытию. Подобную позицию по поводу соотношения преступления и закона занимает М. Рейман: "Любое поведение, которое вредит индивидуумам, даже то, которое делает их жертвами при поддержке закона, должно быть рассмотрено как преступное" (цит. по [Barak, 1998, p. 25]).

¹ Ответственность женщины за прерывание себе беременности установлена ст. 4 Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. и отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборта" от 5 августа 1954 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 15).

Конечно, на первый взгляд, мое определение преступления кажется довольно расплывчатым, ибо границу, за которой начинается опасность или существенный вред для общества, не так просто очертить. Но для криминологического видения общественной жизни не столь важно, включать или не включать в общее число преступлений одну–две спорных их разновидностей. Важнее иметь возможность критической оценки правомерности введения или исключения уголовных запретов.

Безусловно, есть преступления, посягающие на жизнь человека, его свободу, телесную неприкосновенность, имущество, опасность которых ни у кого не вызывает сомнения. Именно на них обычно концентрируется внимание при изучении преступности, сопоставлении массы преступлений разных стран и разных времен: кража – всегда кража; убийство – всегда убийство. Ориентиром для отличия преступного могут служить мировые религии. Например, В. Бачинин считает, что всякое преступление – это всегда нарушение Божественной воли, влекущее за собой вину перед Богом и людьми [Бачинин, 2007].

Преступление в криминологическом смысле не следует путать с преступлением в смысле юридическом, а также с мнимым преступлением. В узкоюридическом смысле – это деяние, прямо предусмотренное уголовным законом, устанавливающим за него наказание. Мнимое преступление, как уже было сказано выше, – деяние, необоснованно запрещенное законом под страхом уголовного наказания.

Преступность

Отечественная криминология признает постулат о качественном различии между отдельными преступлениями и преступностью как множественном (массовом) социальном феномене. Такой подход к преступности делает российскую криминологию тем, что она в настоящее время есть, а именно – *социологией преступности*. Развитие же понятия преступности в российской науке происходит в плоскости ответа на вопрос: следует ли сводить преступность как социальный феномен к совокупности (системе) совершаемых в обществе преступлений (традиционная криминология) или же она представляет собой нечто иное (критическая криминология).

Толчком для переосмысления понятия преступности в российской науке, по-видимому, стали суждения Э. Дюркгейма о преступности как о некоей функции общества, неотъемлемой его части, которая "не только предполагает наличие путей для необходимых перемен, но в некоторых случаях прямо подготавливает эти изменения" [Дюркгейм, 1966, с. 39–40]. В духе критической криминологии (каждый по-своему) помимо автора настоящей статьи в разное время высказались, в частности, Я. Гилинский, А. Трайнин, Б. Овчинников, Э. Раска, Г. Резник, Л. Спиридонов и др. Так, о преступности говорилось, что это "отклоняющееся поведение, достигшее общественной опасности" [Гилинский, 1983; Понятие... 2001, с. 78]; "относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, достигшей степени общественной опасности, определяемой законодателем в уголовном законе" [Девиантность... 2000, с. 79]; "не только совокупность единичных общественно опасных деяний, асоциальный процесс, подчиненный общим закономерностям развития социальных явлений" [Трайнин, 1929, с. 140]; "совокупность не отдельных преступлений, а средних величин, демонстрирующих... устойчивость при стабильности общественной системы" [Резник, 1986, с. 96]; "процесс совершаемости преступлений" [Овчинников, 1982, с. 21]; "состояние общества, характеризующееся определенными противоречиями в развитии своих составных частей" [Спиридонов, 1978, с. 24].

Я вышел на собственное понимание феномена преступности, опираясь на семантический подход, исходя из смысла слова "преступность". Чем отличается преступность конкретного человека от совершаемого им преступления? Наверное, тем, что преступление – это проявленное вовне деяние, в то время как преступность – внутренняя predisposition индивида к совершению преступлений. По моему мнению, *под*

преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества, отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов [Шестаков, 1980; Понятие... 1997, с. 108]. Теоретически нельзя исключить существование людей, вовсе не предрасположенных к совершению преступлений, чего нельзя сказать об обществе в целом.

Приведенный взгляд (семантическая концепция) на понимание преступности, в основных чертах высказанный мною в печати в начале 1980-х гг. [Шестаков, 1981], имел в криминологических кругах резонанс. По мнению некоторых ученых, семантическая концепция преступности имеет исключительно важное значение, поскольку она заостряет внимание на необходимости раскрытия механизма порождения преступлений, диалектики взаимосвязей между преступностью и обществом. Они полагают, что эта концепция может быть принята за основу дальнейших криминологических рассуждений [Аврутин... 2002, с. 53–54]. Преступность предстает как единство системного множества преступлений и порождающих их социальных подсистем (семьи, политики, экономики, массовой коммуникации, религиозной деятельности, и т.д.).

Неприятие понимания преступности как свойства общества может быть подразделено на две разновидности и, соответственно, условно названо идеологическим и детерминистическим.

Идеологическое неприятие связано с неотъемлемым от марксистских традиций в советской криминологии так называемым классовым пониманием преступности. Например, П. Гришаев писал, что рассматриваемое определение преступности неприемлемо, поскольку игнорирует качественные различия преступности в государствах с различным общественным устройством (капиталистическим или социалистическим) [Гришаев, 1984]. На это можно ответить, что и в самом деле очевидно наличие свойства общественных формаций любого типа (социалистического, капиталистического и т.д.) воспроизводить преступления. Сказанное не означает, будто взаимоотношения между классами не отражаются на преступности [Милуков, 1995, с. 59–60].

Детерминистическое неприятие базируется на утверждении, будто в определении преступности как свойства общества порождать преступления "отсутствуют указания на свойства определяемого предмета и речь идет не о преступности, а о ее общих причинах" [Орехов, 1992, с. 53–54]. В связи с этим возникает вопрос о соотношении преступности, преступного множества (совокупности совершаемых преступлений) и его причин. Данный вопрос – философский и важнейший для криминологии как науки, которая в идеале должна была бы из социологии преступности перерасти в философию государственного реагирования на нее [Шестаков, 1999; Криминология, 2006, с. 33].

По-моему, множество совершаемых преступлений и преступность соотносятся как явление и сущность, а причины преступлений выступают как нечто связующее второе с первым. Преступность скрыта, ее невозможно познать простым созерцанием совершаемых и тем более регистрируемых в обществе преступлений. Преступность выражает то главное, что характеризует процесс воспроизводства преступлений, его внутреннюю, глубинную закономерность, представляющую собой частный случай более общей закономерности многовариантного, конфликтного поведения людей, объективно находящихся во взаимных противоречиях друг с другом.

Таким образом, преступность – сама закономерность, в силу которой извечно совершается множество преступлений, а преступления – внешняя форма ее выражения. Вот почему нельзя в строгом смысле слова называть преступность явлением. Осознание же закономерности существования преступности в любом и особенно развитом демократическом обществе открывает новые перспективы для поиска форм противодействия ей, для критического переосмысления уголовно-правового контроля. Касторский связывает некоторую, как он выражается, "заторможенность" отечественных криминологов именно с тем, что они не уловили системной интерпретации преступности как единства

множества преступлений и порождающих их социальных факторов [Касторский, 2002, с. 209–210; 238].

Признание конструктивности криминологического понимания преступности в качестве свойства общества воспроизводить преступления породило дальнейшую дискуссию как в направлении углубления и понимания данного саморазрушительного процесса в целом, так и применительно к отдельным видам преступности. Критика понятия "преступности" в России и за рубежом (теория клеймения) идет разными путями, но и здесь, и там в конечном итоге все сводится к критике реакции государства на преступность. Если видеть в преступности только *явление* совершения преступлений, то может возникнуть иллюзорная надежда справиться с конкретными преступниками и положить конец преступлениям. Связанный с таким представлением наивный период в отечественной криминологии тянулся, как известно, не одно десятилетие. Если же приблизиться к *сущности* и познать в преступности свойство закономерно воспроизводить преступления, то представления о должной реакции на нее принципиально изменятся.

Из осознания преступности как неотъемлемого свойства, непременной спутницы человеческой истории вытекает концепция *сосуществования* с ней и государственной реакции на нее. Принцип "начни с себя" в совершенствовании отношений между государством и лицами, нарушающими уголовный закон, быть может, приведет не только к повышению престижа власти и общества в целом, но и к уменьшению злостности преступников, к понижению опасности преступного мира.

Преступность опосредуется сложной иерархией причин массового преступного поведения (социальных противоречий, негативных социальных процессов). Их содержание исторически меняется и варьируется в зависимости от конкретных обстоятельств: противоречие между чрезмерно богатыми и недостаточно обеспеченными в условиях рыночной демократии, противоречие между творческим началом и жестким контролем в условиях тоталитаризма, и т.д. Неизменно меняются, как хорошо известно, и формы преступности. Сама же преступность как свойство общества воспроизводить преступления остается неизменной, она удивительно живуча и как бы находит в новых условиях новые причины для новых преступлений.

Преступность как система

Начиная с середины 1970-х гг. при осмыслении явления преступности в качестве научно-познавательных методов наряду с классификацией и причинно-следственным анализом стал применяться также системный подход. Этот метод создает предпосылку для более глубокого понимания изучаемого предмета (в данном случае – преступности, ее моделирования и прогнозирования). Однако он может быть использован только в том случае, если исследуемый предмет является *системой*, под которой принято понимать совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих единое целое, обладающее новым интегральным качеством, не сводимым к свойствам ни одного из элементов. Главное в системе – обратная связь между ее элементами (Н. Винер).

Освоение советской криминологией методологии системного анализа было связано, в частности, с именами У. Джекебаева, Я. Гилинского, Г. Забрянского, В. Кудрявцева, Н. Кузнецовой, А. Шахматова. Эти исследователи усмотрели систему не собственно в преступности, а лишь во внешнем ее проявлении – в массе совершаемых преступлений, именуемых преступным множеством.

Такой подход к применению в криминологии системного анализа оказался уязвимым для критики и дал повод некоторым криминологам усомниться в возможности его осуществления в отношении преступности (И. Карпец). Оппоненты справедливо указывали на невозможность доказать наличие связи между отдельными преступлениями. В самом деле, связаны ли между собой, к примеру, совершаемая подростками кража из автомобиля и осуществленный по политическим мотивам акт терроризма? Если же нет взаимосвязи между элементами явления, нет его целостности, то отсутствуют основания считать его системой.

Итак, непосредственной связи между конкретными преступлениями как будто бы нет, не очень отчетливо наблюдается и связь между видами массового преступного поведения. Но есть связь опосредованная, что может быть понято только при новом теоретическом подходе к преступности. При традиционной трактовке преступности в качестве совокупности совершаемых преступлений системный подход не дает для ее понимания ничего нового.

По моему мнению, основное положение системного анализа в криминологии может быть сформулировано таким образом: *причины преступлений, взаимодействуя между собой, а также с преступным множеством, образуют систему "преступность"*. Структура преступности (не путать с составом преступного множества!) складывается из двух основных подсистем: преступного множественного поведения и механизма взаимодействующих между собой причин преступлений. Подобным образом характеризует структуру "преступности несовершеннолетних" Забрянский. Он отмечает, что явление преступности несовершеннолетних представляет собой сложный системный объект, включающий разные подсистемы, к которым он относит: преступность (мой термин "преступное множество"), криминогенные факторы и даже социальный контроль [Забрянский, 1997, с. 32]. В. Номоконов, по существу, также усматривает в структуре преступности наличие причин – криминогенных факторов. Он пишет: "С нашей точки зрения, преступность представляет собой комплекс наиболее глубоких и острых деформаций общества, его политической, экономической, социальной и духовной сфер" [Организованная... 1999, с. 132]. Системными свойствами преступности прежде всего являются: взаимосвязь подсистем и элементов, динамическое равновесие, саморазвитие, целостность.

Взаимная связь комплекса причин преступного поведения и массы совершаемых в обществе преступлений проявляется в том, что не только причины порождают преступления, но и сам факт воспроизводства в обществе преступлений, присутствие в нем лиц, совершающих преступления, оказывают влияние на этот причинный комплекс. Так, с одной стороны, сосуществование в обществе богатых и бедных как одна из причин корыстных преступлений воспроизводит кражи, грабежи, мошенничество и т.п. С другой стороны, причиненный подобными деяниями ущерб вызывает недоверие людей к существующему общественному порядку, озлобляет какую-то их часть, в результате чего растет агрессивность, ведущая к насильственным преступлениям против личности, хулиганству, грабежам и т.д. Рост числа осужденных, особенно к лишению свободы, влекущему их отчуждение от остального общества и нередко углубление их преступных наклонностей, дает толчок дальнейшему росту преступности. Не подлежащее сомнению наличие обратных связей в структуре преступности есть главное основание считать ее системой.

Динамическое равновесие преступности как системы выражается в ее приспособлении к изменяющейся в обществе и государстве ситуации и, таким образом, в самосохранении. Очевидно, это относится к преступным проявлениям корысти, которая вечно ищет лазейки для незаконного, не связанного с соответствующими трудовыми затратами обогащения. Так, в последние годы в России незащищенность мелкого предпринимательства породила вымогательство в виде навязываемых охранных услуг (рэкет); компьютеризация бухгалтерии повлекла за собой компьютерную преступную деятельность; используя доверие и финансовую незащищенность населения, финансисты и банкиры изобретают все новые способы мошенничества. Склонность к преступному насилию (преступная агрессивность) в зависимости от обстоятельств перекачивается из одной области общественной жизни в другую. К примеру, за прекращением агрессивных войн или государственного террора следует увеличение числа общеуголовных насильственных преступлений. Принимая во внимание безрезультатность затрачиваемых испокон веков усилий на подавление преступности, можно сказать, что живучесть ее чрезвычайна.

Саморазвитие преступности характеризуется усложнением преступной деятельности, приобретением ею новых форм – не только вследствие изменения обуславливающих ее

общественных обстоятельств и применяемых против нее мер со стороны государства, но также в итоге протекающих в ней самой сложных криминологических процессов, взаимодействия подсистем и элементов, которые образуют ее структуру. Например, наблюдаемое в последние десятилетия омоложение круга лиц, совершающих преступления, ведет к тому, что спустя несколько лет естественно увеличится число взрослых преступников. Расширение наркобизнеса и вовлечение его дельцами все новых людей в потребление наркотиков сказывается на росте обусловленных наркоманией преступлений. Организованные группы преступников, расширяясь, устанавливают контакты с властью, с ее силовыми ветвями, милицией, прокуратурой, судом, тем самым способствуя расширению коррупции. Преступные группировки последовательно делят экономическое пространство на сферы влияния. Кроме того, идет процесс легализации средств, добытых преступным путем, "отмывания" их с последующим вложением в легальную хозяйственную деятельность.

Целостность системы "преступность" связана с новым качеством, приобретаемым благодаря сложению воедино ее элементов. Это качество – опасность для общества, вынуждающая государство иметь уголовное законодательство и большой карательный аппарат – от милиции (полиции) до органов, исполняющих наказание.

Наряду с вертикальной структурой преступности (преступное множество – факторы преступности) существует ее горизонтальная структура, складывающаяся из преступности различных социальных институтов или, иными словами, подсистем общества. Это виды преступности, различаемые на основании критерия принадлежности к тому или иному институту (семейная, экономическая, политическая преступность, преступность СМИ и т.д.). Под видом преступности следует понимать свойство социального института воспроизводить внутри и вне себя массу преступлений, складывающееся из взаимодействующих между собой причин преступлений и самого множества преступлений.

Кроме видов преступности можно говорить также о ее типах, которые не привязаны к определенной подсистеме общества, носят сквозной характер. В основе типа преступности лежат мотивы преступного поведения – корыстная, насильственная, политическая, сексуальная преступность. Мотивация преступления нередко включает не один, а несколько мотивов, что ведет к смешанным типам преступности: корыстно-политическая, насильственно-сексуальная и т.п. Под типом преступности подразумевается свойство общества воспроизводить массу преступлений определенного типа, структурно включающее в себя разбросанное по различным социальным подсистемам множество причин и актов преступного поведения.

В структуре преступности можно выделить несколько горизонтальных срезов: *бытовой* ("микропреступность"); *промежуточный* ("организованная преступность" – наркобизнес, захват преступными группировками потребительских рынков, контроль над проституцией, торговля людьми, незаконная торговля оружием); *олигархический* ("макропреступность" – установление контроля над невосполнимыми ресурсами страны, СМИ, представительной и исполнительной властью собственной страны); *государственный* (преступность государств – внутренний террор, внешняя агрессия); *надгосударственный* (установление глобального контроля над сырьевыми ресурсами, финансами, массовой информацией, представительной и исполнительной властью в государствах).

Общие цели противодействия преступности

Под противодействием преступности понимается общественный механизм, стимулирующий правопослушность человеческого поведения, ослабление причин совершения преступлений, уменьшение опасности преступности [Забрянский, 1997, с. 90; Adler, Mueller, Laufer, 1995, p. 160]. В разных человеческих общностях оно существенно отличается и по эффективности, и по самим используемым средствам. Относящиеся к 1970–1975 гг. исследования показали, что наиболее низкий уровень преступного множества наблюдался в странах, которые, несмотря на очень большие различия в социально-

политическом, экономическом устройстве и уровне жизни, характеризовались на момент исследования одним общим фактором: неповрежденной системой общественного контроля (Швейцария, Ирландия, ГДР, Болгария, Саудовская Аравия, Алжир, Япония, Непал, Коста-Рика, Перу) [Adler, Mueller, Laufer, 1995, p. 172].

В социалистических государствах в 60-е гг. XX в. была сформулирована общесоциальная задача *ликвидировать преступность*, просуществовавшая в директивных документах до начала 1980-х гг. Этой конечной задаче сопутствовали более или менее прогрессивно, гуманно, в духе Ч. Беккариа, сформулированные в уголовном законодательстве социалистических стран цели наказания, ориентированные на исправление, перевоспитание осужденных, предупреждение преступлений. Правда, допущенная нечеткость определения в УК РСФСР 1960 г. целей наказания позволяла судить о признании законодателем "возмездной", "карающей" природы наказания².

Реальная же судебная практика, в которой преобладал такой суровый вид наказания, как лишение свободы, не согласовывалась с провозглашенными в законе целями исправления, перевоспитания, предупреждения. В ней проявлялось пристрастие к устрашению, по существу она превращала оступившегося человека во врага общества. О потерпевших же государство заботилось менее всего.

Злоупотребление применением лишения свободы, хотя и не в той мере, как это было в сталинские времена, все же обуславливалось соображениями экономического плана: заключенные были дешевой рабочей силой, применявшейся на главных направлениях "социалистического строительства". Чрезмерная суровость репрессивной системы сохраняется и в постсоветское время, причем по отношению не только к взрослым нарушителям уголовного закона, но и к несовершеннолетним. По данным Забрянского, в 1996 г. темпы роста численности несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, опережали темпы роста выявленных лиц; темпы роста численности осужденных опережали темпы роста числа привлеченных к уголовной ответственности; темпы роста численности осужденных к лишению свободы опережали темпы роста числа осужденных [Забрянский, 1997, с. 101].

В 1980-х гг. в СССР главный лозунг политики государственного реагирования на преступность был скорректирован, появились формулировки "стабилизировать преступность", "уменьшить темпы роста числа преступлений", "улучшить ее структуру, в том числе за счет сокращения доли наиболее опасных преступлений". Вопрос о ликвидации преступности был снят.

Следует отметить, что адекватная, научно обоснованная постановка политических целей в области реагирования на преступность весьма важна. Очевидно, имеет смысл намечать только реально достижимые цели. Реальной перспективой для России может выступать построение правового государства в условиях сосуществования с преступностью как с неизбежным злом, предполагающее формирование уголовно-правового противодействия ей на цивилизованной основе.

Цели уголовного наказания

Лучше было бы установить в законе цели не наказания, а уголовной ответственности. В действующем УК РФ предусмотрены цели наказания: восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений (ст. 43). Две последних цели (по смыслу закона второстепенных) выглядят вполне безобидно, хотя, конечно, исправление осужденного причислено к целям наказания явно непродуманно. Весьма сомнительно, что кого-либо можно испра-

² В ст. 20 УК РСФСР 1960 г. записано: "Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных... а также предупреждение совершения новых преступлений..."

вить наказанием, не говоря уже о таких его видах, как пожизненное лишение свободы или смертная казнь, все еще предусмотренная УК РФ.

Установленное в УК в качестве ведущей цели наказания восстановление социальной справедливости настораживает. В этой связи вспоминаются слова литературного героя: "Поймите, что не коварство, не хитрость, не подлость разума, а только Человечность, Справедливость и Благородство Души принуждают нас негодовать, возмущаться, приходиться в ярость и мстительно свирепеть... это механизм наших человеческих душ – это механизм качелей, где от наисильнейшего взлета в сторону Благородства Духа и возникает сильнейший отлет в сторону Ярости Скота" [Агеев, 1990, с. 164–165]. Параллель между чувством справедливости и скотством можно найти также в учении известного русского философа В. Соловьева, которое столь актуально для современного развития уголовного права, в частности, для обоснования отмены смертной казни.

Так что же представляет собой цель восстановления социальной справедливости по замыслу законодателя? Согласно ст. 6 УК РФ, в справедливости законодатель усмотрел соответствие наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Выходит, что восстановление социальной справедливости по постсоветскому законодательству, хотя и с оговорками об учете обстоятельств и личности, означает, что осужденному следует "воздать по заслугам", то есть все то же "око за око, зуб за зуб". Вообще говоря, правильнее говорить о функциях, нежели о целях наказания. Само по себе наказание как явление неодушевленное никаких целей преследовать не может, но выполняет определенные роли в жизни общества.

Идея законодательного установления ответственности государства перед потерпевшим от преступления в последнее время находит все большее число сторонников среди российских специалистов. Так, Т. Нуркаева предлагает непосредственно в санкциях за убийство предусмотреть возмещение материального и морального вреда близким родственникам потерпевшего. Такая обязанность, полагает она, изначально должна возлагаться на государство. Механизм возмещения предлагается следующий: государство обязывается возместить ущерб, а затем в лице правоохранительных органов предпринять меры, чтобы взыскать с виновного в регрессном порядке выплаченную сумму [Нуркаева, 2002, с. 10–11].

Полагаю, что уголовно-правовым мерам противодействия преступности в условиях сегодняшнего и завтрашнего дня должны быть присущи следующие функции: 1) удержание лица, совершившего преступление, от рецидива (функция защиты человека); 2) реституция (восстановление положения потерпевшего); 3) ресоциализация виновного. Законодательное закрепление подобных функций могло бы соответствующим образом направить дальнейшее развитие уголовного права в целом.

Криминология закона

Предлагая криминологию закона в качестве новой отрасли криминологии, я имею в виду, что эта отрасль изучает взаимообусловленность преступности и законодательства [Шестаков, 1999]. Пока имеются первые наброски к ней, заявки на ее разработку (С. Милуков, В. Чураков, Д. Шестаков). Оформление криминологии закона в отрасль криминологического знания придаст логическое завершение школе преступных подсистем, ее структуре. Отгалкиваясь от доктрины "преступность – свойство общества", школа к настоящему времени проделала немалый путь от семейной криминологии через политическую, коммуникативную, богословскую и иже с ними криминологические отрасли к уже заявившей о себе криминологии закона.

Предмет криминологии закона должны составить законодательная преступность, а также законодательные меры противодействия ей. В теоретическом плане в этой области мною разработаны некоторые операциональные понятия: кримиогенный закон, преступный закон, фикция порождения законом преступления. Криминологии закона не обойтись без категорий *законодательная преступность* (свойство законодательства

порождать преступления), а также *криминологическое законодательство*. Под последним подразумеваются нормативные акты, в совокупности образующие юридическую базу для реагирования на преступность, и в частности для предупреждения преступлений [Шестаков, 2001, с. 147; Бурлаков, Гишинский, Шестаков, 1996, с. 122].

Криминологическое законодательство – система законодательных актов, регламентирующих противодействие преступности. Оно подразделяется на репрессивное (уголовное) и нерепрессивное, в частности социальное.

Полагаю, что в новых глобальных условиях надо ставить вопрос о новом либерализме. Привычная для криминолога-либерала критика власти теперь должна распространиться на надгосударственную власть, по инициативе которой разглагольствования о правах человека сочетаются с ведением агрессивных войн, пытками в секретных тюрьмах и т.п.

Так, в связи с развитием представления о преступности, охватывающего, как было сказано, надгосударственный уровень, поставлен вопрос о "новой ответственности". Предлагается ввести на уровне международных уголовно-правовых норм следующие составы преступлений: использование непроверенных или фальсифицированных данных для провокации войны; ведение без согласия суверенного государства на его территории, под каким бы то ни было предлогом, военных действий; провокация политических конфликтов (например, убийство спецслужбами представителей какого-либо государства, выдаваемое за действия тех или иных политических сил), инсценировка межнациональных конфликтов, в том числе преступлений, якобы совершенных на почве национальной неприязни [Янковская, 2006].

Особого внимания заслуживает преступная деятельность частных военных компаний. В связи с этим требуется либо введение дополнений к "Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников", либо принятие специальной конвенции об организованной преступной деятельности таких компаний. При этом странам-участницам конвенции должно быть рекомендовано установление соответствующих мер уголовной ответственности физических и юридических лиц [Шестаков, 2006].

Необходима также регламентация на международно-правовом уровне норм института задержания лица, совершившего особо тяжкое преступление, на территории укрывающего его государства. Одним из оснований для задержания и возможного причинения задерживаемому вреда мог бы стать отказ государства в выдаче преступника.

Организация Объединенных Наций не в состоянии принимать решения, необходимые для пресечения государственной и надгосударственной преступности. Предусмотренное в Уставе ООН для членов Совета Безопасности право вето приводит к тому, что всякая резолюция, направленная на противоборство преступности этого уровня, как правило, блокируется США. Стало быть, при нынешних глобальных обстоятельствах возникла потребность в новом мировом нормотворческом учреждении – всемирной организации неагрессивных государств. Практическим результатом криминологии закона в части доктрины преступного закона могло бы стать учреждение международного суда (нечто вроде конституционного суда), дающего заключения о соответствии внутреннего законодательства страны международному, в частности уголовному, праву, и вообще о нарушениях международного права.

Миссия криминологии закона, помимо прочего, состоит в возвращении криминологии в юриспруденцию. Возвращение криминологии, нацелившейся было перекинуться в социологию, представляется весьма важным, ибо очень тесна связь преступления и закона, да и подобающая реакция общества на преступность в государственных и международных масштабах едва ли возможна без ее законодательного обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоришин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенеза. СПб., 2002.

Агеев М. Роман с кокаином. М., 1990.

- Бачинин В.А.* Секулярная криминология и библейская концепция преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2007. № 2 (13).
- Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А.* Преподавание криминологии в современных условиях // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6. Вып. 3.
- Гилинский Я.И.* Теоретические проблемы социологического исследования преступности и иных антиобщественных проявлений. Л., 1983.
- Гришаев П.П.* Структура полной причины преступности. М., 1984.
- Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.). Тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
- Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.
- Забрянский Г.И.* Предупреждение преступности несовершеннолетних: основы концепции государственной политики // Журнал российского права. 1997. № 8.
- Забрянский Г.И.* Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997.
- Касторский Г.Л.* Новое понимание преступности и криминология религии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 4 (5).
- Криминология. Учебник для вузов. СПб., 2006.
- Милюков С.Ф.* Причины преступности // Криминология. Курс лекций. СПб., 1995.
- Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. СПб., 2000.
- Номоконов В.А.* Современная криминология: традиционные подходы и новые направления // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке. Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград, 2001.
- Нуркаева Т.Н.* Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами (вопрос теории и практики). Автореф. дисс... д.ю.н. Нижний Новгород, 2002.
- Овчинников Б.Д.* Вопросы теории криминологии. Л., 1982.
- Организованная преступность. Тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999.
- Орехов В.В.* Понятие и измерение преступности // Криминология. Общая часть. Учебник. СПб., 1992.
- Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. 1997. № 3.
- Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб., 2001. № 3.
- Преступность среди социальных подсистем. СПб., 2003.
- Резник Г.М.* К вопросу об определении понятия “преступность” // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью. Владивосток, 1986.
- Спиридонов Л.И.* Социология преступления. М., 1978.
- Трайнин А.Н.* Уголовное право. Общая часть. М., 1929.
- Шестаков Д.А.* Введение в криминологию семейных отношений. Л., 1980.
- Шестаков Д.А.* Криминологический аспект деятельности частных военных компаний // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2006. № 1(10).
- Шестаков Д.А.* Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестник Санкт-Петербургского юридического университета МВД России. 1999. № 2.
- Шестаков Д.А.* Криминология. Преступность как свойство общества. Учебник для вузов. СПб., 2001.
- Шестаков Д.А.* На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2.
- Янковская Г.А.* Журналу “Криминология: вчера, сегодня, завтра” // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2006. № 1 (10).
- Adler F., Mueller G.O.W., Laufer W.S.* Criminology. New York, 1995.
- Barak G.* Integrating Criminologies. Allyn and Bacon. Boston–London–Toronto–Tokyo–Singapore, 1998.
- Henry S., Milovanovic D.* Constitutive Criminology. Beyond Postmodernism. Boston, 1996.